

С.Я. МАТВЕЕВА

Национальные проблемы России: современные дискуссии

Важнейшими тенденциями всей современной политической жизни являются стремление продолжать политику реформ, включение страны в мировое хозяйство. Это нашло отражение в социокультурной теории либеральной суперцивилизации, которая не сводится к капитализму в разных его модификациях и не ограничивается степенью и уровнем индустриального развития.

Противоположный полюс политического спектра тяготеет к традиционной суперцивилизации, свидетельствует о силах, стремящихся вернуться к отдаленному прошлому. Это стремление можно назвать реставрационным. Сюда попадают монархисты, все те, кто отстаивает сословность, общинность как определяющую социокультурную форму жизни общества в проявлениях, сложившихся до 1917 года. Ирония заключается в том, что эти люди или какая-то их часть, как будто бы стоят за возврат к капитализму, который для общества все еще впереди.

Между этими тенденциями, нацеленными на реализацию ценностей противоположных цивилизаций, формируется позиция, стимулируемая промежуточным характером России между двумя цивилизациями, расколотостью общества. Значительная часть людей, тяготеющих к этой позиции, ориентирована на сохранение страны в том состоянии, которое сложилось за годы советской власти. Ориентация на прошлое заставляет считать эти силы консервативными. На языке социокультурной теории они могут быть охарактеризованы как стоящие за воспроизводство социального порядка, основных фундаментальных ценностей промежуточной цивилизации, т.е. несущих в себе некоторый гибрид, эклектическую смесь ценностей двух суперцивилизаций.

Либеральные интерпретации

Черты реформаторской позиции в определении стратегии и тактики национальной политики определяются рядом аспектов. Важнейшие из них следующие: общественный идеал реформаторов устремлен в будущее и рассчитан на более или менее длительную перспективу; нормативный образ России (базовые черты общественного идеала) ориентирован на развитые индустриальные и постиндустриальные общества.

Поскольку реформаторы прочно стоят на позициях антиизоляционизма, они не упускают из вида возможностей рассмотрения российских проблем сквозь призму американского, шведского, немецкого, китайского, латиноамериканского и иного опыта формирования либеральной суперцивилизации. Само освоение этого опыта возможно на основе нормативного образа буржуазной России - государства-нации. Важным элементом этого образа является также признание факта доминирования русской культуры и

Матвеева Сусанна Яковлевна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем.

наличия соответствующего большинства людей, считающих себя русскими, и этнических меньшинств. Однако в любом случае - относится ли человек к этническому большинству или меньшинству - реформаторы исходят из приоритета прав человека, понимания этничности как социокультурной ориентации. Этническая самоидентификация, по мысли реформаторов, - личное дело каждого человека. Для государства же главное не допустить дискриминации любого человека.

По самой структуре фундаментальных ценностей и распределению приоритетов реформаторы сдвигают всю национальную проблематику из центра своего внимания на периферию. Заняться ею их заставляет идеологическая и политическая борьба, навязываемая антиреформаторами, реальные либо вызревающие потенциально опасные процессы этнической и национальной мобилизации. Нормативный образ модернизированной России для реформаторов содержит определенное культурное единство политического и правового пространства, где отдельные административные территории, конечно, могут иметь свои особенности, вплоть до особых языков, однако это должно оставаться единственной привилегией.

Среди реформаторов различаются радикалы и консерваторы. К радикалам следует отнести прежде всего Е. Гайдара и Б. Федорова, причем второй сейчас выглядит радикальнее первого. Гайдар, дважды бывший у руля государства, почувствовал всю мощь сопротивления реформам. Ему пришлось услышать много разнообразной критики в свой адрес. Он имеет все основания считать, что либеральная идеология, предложенная реформаторами, столкнулась с мощной антиреформаторской традицией великодержавного шовинизма или "государственничества". Главная задача либеральных реформаторов, по его мнению, — "секуляризация государства, отделение государства от псевдорелигии" [1, с. 201].

Яростная критика либерал-радикалами идей державности как новой псевдорелигии, призванной сменить ортодоксальный марксизм и горбачевский "социализм с человеческим лицом", вовсе не означает, как это иногда считают, что либерализм антигосударственен и способен понимать государство только в духе *laissez-faire* как ночного сторожа. Среди радикальных либералов есть и ярые государственники. Они хотели бы использовать государственническую традицию для того, чтобы в итоге ее искоренить, иными словами, сделать государство средством реализации радикальных реформ. На роль либерал-государственника мог бы претендовать, например, Б. Федоров. С одной стороны, он собирается радикально уменьшить управленческий аппарат и сместить ответственность на места, в регионы, которым должно быть дозволено выбирать себе начальство. С другой стороны, как и иные либералы, он с небольшой командой профессионалов хотел бы перевести Россию из нынешнего состояния в совершенно иное, более близкое моделям развитых стран. Однако остается неясным, каким образом предлагаемые им вполне конкретные изменения можно реализовать вне установления диктаторского режима.

В области национальной политики Федорова, как и других либералов, раздражает асимметричность складывающейся Российской Федерации, особые права, которые "выторговывают" себе национально-территориальные образования, пользуясь своим статусом как щитом против несения общефедеральных обязанностей. Национальный вопрос решается им так же, как и другими либералами, т.е. на основе приоритета прав человека и рассмотрения этнических групп (даже если они достаточно велики) как меньшинств. Соответственно, за ними признаются обычные права меньшинств, им оказывается поддержка "в сфере культуры и образования, защиты от произвола и неуважения к традиционному образу жизни. Одновременно будет вестись борьба с национализмом в отношении некоренных национальностей на территории республик и других национально-территориальных образований" [2].

Либерал-консервативная платформа мало разработана и существует, скорее, как социокультурная тенденция, весьма влиятельная, набирающая силу, но одновременно и уязвимая в силу того, что должна сохранить свою либеральную ориентацию, реформаторский потенциал, находясь постоянно в диалоге со всеми, включая прямых реак-

ционеров [3]. Возможно, в силу этих трудностей она все еще политически не представлена, но соответствующие идеи постоянно присутствуют на общем российском идеологическом поле. Элементы либерально-консервативной идеологии можно найти, в частности, у такой противоречивой фигуры, как А. Солженицын.

Собственно говоря, сама идея проведения ненасильственных реформ, предполагающих крутые изменения, которые не могут не встречать сопротивления, отказ от революционной ломки и соответствующей идеологии с сопровождающей ее героизацией жертвенности, террора и насилия во имя будущего и т.д. - все это свидетельствует о влиянии либерально-консервативной идеологии. Ориентация на эволюционность (либо хотя бы ее имитацию), постоянное выявление степени осуществимости некатастрофических изменений, внимание к массовым процессам, к общественному мнению при сохранении курса либеральных реформ и неизменности либеральных целей и ценностей - все это методы из арсенала консервативного либерализма.

В области национальной политики и, соответственно, интерпретации интересов России весь спектр либеральных идей ориентирован на выработку альтернативы национал-патриотической идеологии. Поскольку национальные проблемы поначалу не относились к числу приоритетных для либералов, можно сказать, что они в начале реформ были ими упущены.

Хотя, на мой взгляд, не столько либералы, сколько реформаторское крыло КПСС во главе с М. Горбачевым несет ответственность за невнимание к сложным, запутанным и в целом чреватым повышенной иррациональностью национальным проблемам. Но и российские либералы, и горбачевцы несут ответственность за то, что не осмыслили всю специфичность и двусмысленность положения РСФСР, России среди других советских республик. Это выразилось в безусловной и безоглядной, можно было бы сказать нерелексивной, поддержке республиканских национализмов, в их упрощенной оценке во всех случаях как демократических антиимперских национально-освободительных движений.

Сложнейшая проблема права самоопределения народов и территорий также осталась недостаточно осмысленной. Ссылки на ограниченность мирового опыта не убеждают, ибо в таком случае для российских либералов открывалась прекрасная возможность творчески пополнить общую копилку мирового опыта, найти нужные решения, возможно лучшее, чем быстрый распад СССР, сопровождающийся конфликтами по периметру границ России и угрожающий ей самой. Правда, в оправдание российских реформаторов можно сказать, что на самом деле никто не знает, возможен ли вообще более мягкий и щадящий разрыв с тоталитарным монстром (таковым был СССР). Опыт Югославии заставляет проявлять сдержанность в оценках свершившегося и в критике российских реформаторов, которые действовали до поры единым фронтом с местными республиканскими националистами.

Национал-патриотические интерпретации

Среди национал-патриотов, выдвигающих национальные проблемы на первый план, есть и радикалы, и социалисты, и консерваторы. Каждое из перечисленных направлений можно рассматривать отдельно. Важнее, однако, то разделение в национал-патриотизме, которое содержится в нем скрыто и обычно не выделяется аналитиками. Собственно говоря, возможность его обозначения появилась с тех пор, как либералы взялись за разработку упущенных ими поначалу национальных проблем. Национал-патриотам как антиреформаторам приходится вести борьбу с реформаторами и на "своем поле": появляются националисты-либералы. Это вселяет некоторую надежду на то, что важнейшие для полиэтничного общества национальные проблемы, грозящие появлением иррациональных идеологий, длительное время бывшие вотчиной традиционалистов и реакционеров, смогут решаться цивилизованным путем.

Общим для всех национал-патриотов являются антиинтеллектуализм, слабая опора на науку, что соответствует содержанию ценностей традиционализма, архаики. Мало

кто из крупных ученых оказался под их знаменами, хотя национал-патриоты имеют очень мощную материальную базу и солидную опору в ВПК, в армии, у значительной части предпринимателей и "красных директоров", заинтересованных в сохраняющейся изоляции России, монопольного положения для своих неконкурентоспособных товаров.

Сейчас, пока российских предпринимателей-производителей мало, а западные инвесторы не спешат в отечественные пределы, национал-патриоты еще не развернули все свои возможности. Это нужно иметь в виду, ибо развитие национального рынка может быть им на руку. Вот тогда-то и станут конкурировать между собой разные национализмы, пока еще мало различимые на общем, оппозиционном, национал-патриотическом фоне. Иными словами, чем ближе общество подойдет к буржуазным критериям, тем в большей степени может ощущаться потребность в цивилизованных формах национализма.

Пока же национализм у национал-патриотов почти исключительно "нецивилизованный", являющийся компонентом антиреформаторского синдрома. При этом они пытаются опереться на религию (хотя о ее конкретных формах имеют весьма слабое представление). В результате православие чаще всего трактуется чисто декларативно и ритуально.

Как уже говорилось, научный потенциал национал-патриотов оказался весьма слабым, поэтому им приходится обращаться к идеологам, а также к псевдонауке. К сожалению, так приходится определять и концепцию Л. Гумилева - человека высоко-талантливого, со сложной трагической судьбой.

Используют национал-патриоты и исследования "беспартийных" аналитиков, в результате их книги подчас производят странное впечатление, являя собой эклектическое соединение идеологических доктрин (иногда эмоционально-насыщенных) и аналитических материалов, не только свободных от этих доктрин, но даже несущих в себе идеологию, ориентированную на совершенно иные ценности.

Делая упор на духовность, национал-патриоты в то же время весьма туманно интерпретируют это понятие. Если пытаться расчленив синкретический комплекс, который стоит за ссылками на особую духовность русского народа, выясняется, что за ними скрыта надежда на возможность и далее эксплуатировать аскетизм, идеализм, жертвенность простого народа.

В идеологический комплекс православных национал-патриотов входит идеализация царской России, отдельных элементов ее истории. Симпатиями пользуются вечевые формы самоуправления (обращение к идеалам древних Новгород. Пскова), традиции Киевской Руси, деспотизм Московского царства, модернизаторские свершения Петра I, опыт освободительных реформ Александра II, антиреформаторство Александра III, выдающиеся деятели России серебряного века - от П. Столыпина до Е. Блаватской или В. Кандинского. Каждый может найти свой идеал в богатом опыте российской истории.

Акцент на ущемленном национальном достоинстве русских делают сторонники того направления национал-патриотов, которое ориентируется на откровенно милитаристские цели. Утрата Россией значительных территорий, распад империи, бунт российской глубинки против Москвы и т.п. делают людей особо чувствительными к пропаганде идеологии реванша, к словам о национальной ущемленности русских. Подобные сюжеты активно эксплуатирует, например, В. Жириновский.

Из его высказываний, кстати, можно было бы составить компендиум разных типов национализма. Так, его известное требование возвращения к губернскому принципу территориального разделения страны по сути своей исходит из национал-либерал-большевистской идеи уравнивания всех территорий страны, объединения их общим административным принципом. Одновременно Жириновский - традиционалист, озабоченный потребностями широких масс в том виде, в каком они представляются нашим почвенникам. Основной тезис в данном случае - необходимость возрождения православия как истинной веры русского народа. Так как веротерпимость не считается ценностью у традиционалистов, он обычно выступает против всех остальных конфессий,

рассказывая, например, об "израильско-сионистском плане" расчленения страны. Естественно, он и антизападник, и приверженец этнического национализма. В целом же его программа по национальному вопросу в основе своей носит традиционалистский характер, т.е. опирается на ценности традиционной цивилизации. Однако ценности эти уже отягощены утилитаризмом, стремлением манипулировать разнообразной палитрой ценностей. Отсюда, например, его высказывания о пользе буржуазных рыночных реформ, которые он хотел бы использовать для наращивания милитаризации страны и новых территориальных захватов. Такая версия национализма вполне укладывается в традицию державничества, составляя ее реваншистское крыло.

Национал-коммунистическая интерпретация

Парадоксальная двойственность, расколотость самосознания России, т.е. восприятие ее одновременно и как империи, и как самостоятельного национального государства (представление о котором также расколото между государством-этносом и государством-нацией) - результат исторической традиции, выработанной интеллигентами прошлого века. Она находит свое выражение в современных подходах к различным проблемам государственного строительства, в частности к национальным.

Своим достижением коммунисты Г. Зюганова считают поворот к более широкому пониманию идеологии, чем это допускала коммунистическая доктрина. Коммунисты сумели преодолеть свою неприязнь к религии, в прошлое ушли времена воинствующего материализма. Сейчас, например, зюгановцы позитивно оценивают значение православия как традиционной религии русского народа. Они считают, что "Русская Православная Церковь никогда не возвышалась над другими традиционными религиозными исповеданиями России и, сотрудничая с ними, может сыграть большую роль" [4] в разрешении того кризисного положения, в котором оказалось общество. Тот же сдвиг произошел и в оценке ислама, причем упор делается на традицию мирного сосуществования православия и ислама. Современные отечественные национал-большевики полагают, что именно эта традиция "является надежным щитом России от вторжения исламского фундаментализма, проникнутого ненавистью к иноверцам" [4].

В другом их издании четко сказано: "...Сегодня в Национальной доктрине России две наиболее приоритетные идеи: величие России (государственная) и величие Нации (национальная, социальная)" [5, с. 21]. О личности, свободе, равенстве, правах человека, частных интересах здесь не сказано ничего. Это означает, что авторы данного труда по-прежнему опираются на представления о коллективистском характере народа, который, по их мысли, вновь позволит им мобилизовать себя для использования в качестве средства возвышения величия державы. Государство выступает здесь не как инструмент нормального функционирования общества, но в духе традиционализма как самоценность. Цели и задачи развития общества, характер государственного строя должны вновь подчиниться государственнической идее, внеположной жизни конкретного человека. При этом ощущается некоторая отстраненность от меньшинств, которые отвернулись в трудный кризисный час от русского народа.

Следует вновь воззвать к его бескорыстной природе, понадеяться, что запасы его духовной силы опять спасут государство и его жрецов, призванных руководить возвышением державы, восстановлением ее мощи и сохранять власть и место коммунистической номенклатуре у державного пирога. Надеясь на идеализм русского народа, носители данной идеологии полагают, что сумеют использовать для национальной мобилизации русскую идею. "В ее основе заложено понятие соборности как единения людей ради возрождения православной веры и процветания Отечества" - полагают сегодня национал-коммунисты [5, с. 21].

Сочетание православной ортодоксии и псевдорелигии государственничества - таким представляется национал-коммунистам идеология "русского большинства", того базового социального типа, на который они собираются сделать ставку. "Давно пора уже на государственном уровне заявить о необходимости восстановления державности",

Россия - уникальна, у нее особый путь, 'поэтому бессмысленны споры о том, на кого нужно ориентироваться в своем развитии" [5, с. 22].

Национал-коммунизму присущ катастрофизм. Его сегодняшний лозунг - "Нация стоит на пороге вырождения". "Все происшедшее за последние несколько лет порой напоминает бегство войск, за спиной которых брошено на произвол судьбы 25 миллионов "пленных" - русских и русскоязычных соотечественников, вдруг оказавшихся на чужбине, именуемой теперь ближним зарубежьем", - это также один из любимых тезисов национал-коммунистов [5, с. 25]. Этнонационализм принуждает их рассматривать многонациональную Россию и многонациональные новые независимые государства исключительно с точки зрения государственного "титulyного" этноса. Население, его этническое, гражданское самоопределение при таком взгляде никакого значения не имеют, как не имеет значения и реальная численность той или иной этнической группы. Назначен начальством "титulyным" этносом - стань им! Так же по высокому поведению следует, не раздумывая, подчиниться и стать меньшинством.

Особая тема, постоянно муссируемая всеми направлениями национал-коммунистов, - русские в ближнем зарубежье. "Сейчас происходит распад русского этноса, а вернее, его насильственный раскол, образование в бывших - союзных и автономных - республиках русских национальных меньшинств, которые в отдельных случаях приближаются к 50% населения, что уже само по себе чревато катастрофическими конфликтами". Национал-коммунисты хотели бы обратить этих людей в заложников своих амбиций: "Этнические русские начиная с распада Российской Империи постепенно утрачивают свою государственность" [5, с. 32]. Они также убеждены, что России следует обратиться и против дальнего зарубежья - развитых стран, вернуться к изоляционизму, свойственному советской идеологии. "Необходимо просто усвоить очевидную истину: западное общество живет за счет других стран" [5, с. 23]. И что за дело национал-коммунистам, что нет "западного общества" вообще. Развитые современные общества, равно как и современное понимание ресурсов, конфликта, развития и даже национализма, предельно далеки от тех поистине дремучих представлений, которые излагаются на страницах объемистых национал-коммунистических трудов.

Противоречий у национал-коммунистов предостаточно. Е. Гайдар, в частности, отметил, что они говорят о "чисто русских интересах" и тут же требуют восстановления Советского Союза" [1, с. 119]. В цитируемой выше книге "Национальная доктрина России" говорится о том, что национал-коммунисты против русского национализма и против деления на губернии [5, с. 35]. Но одновременно в ней дается негативная оценка договоров республик с центром как пути к конфедерации. При этом ссылаются на "национальные права личности" [5, с. 40]. Лицемерный плач по северным народам, которых большевики своим нетерпеливым просветительством поставили на грань вымирания, сменяется обещанием оставить их наконец в покое и даже помочь. В это верится с трудом, так как несколькими страницами далее предлагается план радикальной бюрократической перекройки всех областей и районов страны и даже приложена карта нового территориально-бюрократического деления [5, с. 49]. Вслед за обеспокоенностью проблемами единства страны идет следующий загадочный пассаж: "Необходимо признать за территориями, населенными разными народами, право представлять не просто разные способы производства, но и способы человеческой деятельности" [5, с. 47]. Интересно, что же это будет за единая страна, где этнические группы будут представлять разные "способы человеческой деятельности"?

Государство-нация и этноцентризм

Л. Абалкин в одном из интервью, говоря о национальных интересах, тут же поправил себя, специально уточнив, что он имеет в виду национально-государственные интересы и что, хотя западные страны постоянно говорят о национальных интересах, россияне называют эти интересы именно национально-государственными. В этой небольшой, казалось бы, оговорке затронут ключевой вопрос, который сейчас находится

на острие идейной борьбы и разведения позиций различных политических сил страны. Что есть нация? Что есть Российское государство? Можно ли считать его национальным?

Почему россиянам приходится говорить о национально-государственных интересах, а не о национальных? Либеральный ответ таков: потому, что нация в России не сложилась. Нет в общем достаточных оснований и для того, чтобы вообще употреблять понятие "национальные интересы" в отношении России, как и бывшего СССР, ибо здесь не сложилось национальное государство или государство-нация, лишь о котором можно говорить, что оно имеет такие интересы. Конечно, находясь в окружении государств-наций и взаимодействуя с ними на мировой арене, Россия (как ранее СССР) вынуждена говорить на рационализаторском языке, в том числе апеллировать к понятию "интерес". Однако это всегда, по сути, псевдоинтерес, а на деле - притязание, обусловленное иногда реальной силой (прежде всего военной), а иногда идеологическими мифологизированными представлениями, которые разбиваются о жесткую конкурентную реальность международных отношений.

Опираясь на традиции мировой науки, либералы в России соглашаются считать современные сообщества, замкнутые в государственных границах, "нациями". В этом понятии объединяются все люди, проживающие на данной территории и признанные гражданами расположенного на ней государства. Этничность (или в отечественной терминологии национальность, национальная принадлежность) как историческая и социальная характеристика подчинена в либеральной системе ценностей доминирующей идее "прав человека". Либеральная политика в тенденции более чувствительна к "правам меньшинств", в том числе этническим, чем к правам этнического большинства. В этом она выступает наследницей просветительских программ, требующих покровительства для тех, кто может в силу естественных причин оказаться в ущемленном положении. Сопричастность к большинству мыслится либералами как одно из естественных преимуществ, само по себе дающее лишние "очки" в конкретном социальном мире. Достижение либерального равенства возможностей в этом случае требует поддержки того, кто этого преимущества лишен.

Либеральное видение ситуации заключается в утверждении, что доминирующей государственной традицией, длительное время развиваемой в России, был имперский принцип организации. Он связывался с нацеленностью культуры на экстенсивное развитие, в том числе на высокую ценность территориального расширения страны, не подкрепленную возможностями эффективного освоения этих территорий.

Имперский тип государственности (в отличие от либерального государственно-национального принципа, возникшего лишь в новое время) связан с доиндустриальными обществами и их ценностями. В европейской истории империям наследовали государства-нации, т.е. буржуазные государства, сложившиеся на базе развитой частной собственности и городской культуры. Государства-нации развились как правовые государства, созданные гражданским обществом для поддержания законности в отношениях между его членами и выражения собственных интересов в отношениях с другими государствами. Расширение территории не входит в непосредственную задачу и в число главных ценностей современных государств-наций, они добиваются усиления своего влияния иными средствами, связанными прежде всего с установлением контактов для эффективной организации совместной деятельности, не в последнюю очередь экономической (впрочем, не всегда одинаково выгодной обеим сторонам). Этот путь органически противостоит имперскому и этнократическому пути формирования государства, т.е. государству, в основу которого положен принцип преимущества, господства одного из этносов, независимо от того, как понимается сама природа этноса.

Важнейшим различием между империей, ориентированной на экстенсивные ценности, и государством-нацией, нацеленной преимущественно на интенсификацию общественного развития, на обустройство жизни граждан, является разное отношение к границам. Имперский принцип, по сути, безграничен. Границы империи фиксируют

лишь в данный момент установленный баланс сил, и всегда существует готовность их раздвинуть, если представится такая возможность. Для государства-нации граница - нечто совершенно иное: это предел, который должен обозначать способность сообщества к обустройству жизни на данной территории, достаточную для достижения базового консенсуса, согласия по поводу фундаментальных ценностей, возможности обеспечения правового порядка, консенсуса с другими государствами. Расширение территории в этих условиях является проблемой, так как оно может поставить под сомнение сложившийся базовый консенсус, гражданское согласие, культурное единство населения, нанести удар по мировому порядку.

В результате распада СССР неприкосновенными остались многие имперские традиции, цели и ценности, требующие унифицированного управления из единого центра на основе определенным образом интерпретированной культуры базисного этноса. В то же время сложилось некоторое соединение этносов, каждый из которых был носителем специфической культуры, что в тенденции несло в себе и опасность распада страны, и зародыши новых государств, в том числе новых миниимперий.

Крайне важно подчеркнуть, что в этих условиях стремление к созданию национальных государств стало интерпретироваться в духе этнонационализма, т.е. стремления положить в основу современного полиэтнического государства ценности одного этноса, силой навязывая их остальным. Иначе и быть не могло, ибо нация, национальность, этничность в СССР были синонимами. Национализм в сознании населения приобретал неизбежно этнический характер, нация стала пониматься как этнонация. Соответственно, национальное государство рассматривалось как этническое, т.е. государство, в законах которого либо зафиксировано неравенство прав в пользу титульного этноса, либо такое положение являлось распространенной практикой. Подобное понимание национального государства предельно далеко от либеральных ценностей и либерального понимания государства-нации и его задач.

Этнический национализм объективно направлен против интеграции сообщества, он разъединяет людей внутри страны и несет обоснование неравенства для меньшинств, содержит имперский потенциал, даже если конкретный этнос в силу исторических причин эту империю не создает и не может создать. Следует отметить, что в условиях советского интернационализма возрождение этничности выступает как фактор развития демократических свобод, права на традиционный образ жизни и культуру. Это процесс положительный, по крайней мере до тех пор, пока возрожденные обычаи и образ жизни не вступают в противоречие с общегражданскими правами, не возникает стремление к своей империи [6].

Возрождение этничности в современном мире может стимулировать этнонационализм. И это заставляет постоянно помнить о необходимости подчинения этнических ценностей общедемократическим. В современном исключительно сложном мире, в современном государстве, всегда включающем множество этнических и даже расовых групп, людей, родившихся от смешанных браков, этнический национализм разрушителен. Его использование для достижения мобилизационного эффекта чревато самоубийственными для данного государства последствиями.

Интерпретация интересов в свете будущего?

Неоимперская точка зрения базируется на стремлении вернуться к традиционной государственности, на обосновании создания государства на основе ведущего этноса. Эта точка зрения представляет большую опасность, особенно если учесть, что в ее основании лежит чувство национальной ущемленности [7]. Она противоречит стремлению идти путем правового национального государства с развитым гражданским обществом. Однако у нас остается ряд оснований и для того, чтобы надеяться на продвижение в сторону менее опасных вариантов государственного строительства. В результате распада СССР видоизменились бурно проявлявшие себя национальные движения и в союзных республиках, и в России. Ушло "лишнее" разнообразие, которое не

могло быть "переварено" в рамках единого современного государства. По крайней мере "переварено" так, чтобы допустить свободное развитие на этих территориях.

Не будем также забывать, что за годы советской власти сформировался мощный городской слой с преобладанием утилитарных ценностей, активный в решении собственных дел. В силу значительной его направленности на обустройство личных интересов следует ожидать определенного роста ценности закона и государства как фактора стабильности и порядка. Здесь есть определенное продвижение, хотя решающий поворот не достигнут. Тем не менее (хотя и со многими трудностями) пока продолжается процесс строительства демократических институтов. Этот процесс требует времени, и пока содержательная, а не формальная реализация идеи государства-нации выступает в России по-прежнему лишь как одна из возможностей. Не исключено, что современное состояние может быть охарактеризовано представлениями о добуржуазной нации, о протонации. Это представление должно учитывать, с одной стороны, факт неразвитости нации в том смысле, который вкладывает в это понятие мировая наука, с другой — формирование ее отдельных элементов, а значит, появление и некоторых предпосылок для поворота России от экстенсивного развития к интенсивному. Здесь заложена возможность отхода от имперских ценностей и достижения качественного сдвига в государственном строительстве, связанного с построением в стране государства-нации.

Проблема идеологии при продвижении к национальному государству представляет. быть может, одну из самых трудных, так как общество не готово развивать ту единственную, наверное, форму национализма, которая не является разрушительной для его граждан. Речь идет о гражданском национализме, форме солидарности всех граждан данной страны вне зависимости от их происхождения. В СССР ему примерно соответствовало понятие патриотизма, и именно такую интерпретацию, но уже в отношении современной России предлагает Р. Абдулатипов [8, 9].

Соображения подобного рода подталкивают либералов к поиску в качестве исходного пункта культурной консолидации общества в России плюралистического культурного субстрата, где общенациональная принадлежность (россияне) и этническая идентичность сосуществовали бы, не разрушая одна другую. Реально (при сохранении вектора демократического развития) и далее будет развиваться этнокультурный плюрализм, где на уровне идеологии должен быть сохранен принцип признания равной значимости и поддержки культуры всех этнических групп, населяющих страну. Это может стать сдерживающим началом, препятствующим выходу националистических тенденций на общегосударственный уровень.

Общая же рекомендация для либерально ориентированных политиков может заключаться в том, что следует усиливать поддержку фундаментального принципа равенства всех людей перед законом, приоритетность прав человека перед правами группы и общества, поддержку культурного плюрализма в рамках общегосударственного консенсуса, т.е. лояльности по отношению к государству. В этих условиях, направленных на снижение конфликтогенных факторов, можно было бы надеяться на постепенное продвижение к общемировому пониманию нации как прежде всего гражданско-политической общности в России. Следует, однако, подчеркнуть, что для изменения содержания культурной нормы, ее чувствительности к внешним антропологическим признакам, связанным с этнической принадлежностью людей, необходимы длительное время и последовательная устойчивая линия демократической национальной политики.

Характерно, что против современного понимания нации как согражданства выступают представители нерусских меньшинств. Последние видят в нем основание для ликвидации противоречивости российского государственного устройства в сторону унитаризма. Выходит, что условием продвижения к общегосударственному пониманию нации выступает присутствующий в ней принцип национально-государственных образований. Их ликвидация, по мнению сторонников данной позиции, приведет к факти-

ческому ущемлению меньшинств, к тому, что они реально лишаются властных полномочий. В результате утрата политической значимости этнических характеристик ускорит ассимиляцию меньшинств, вызовет такую русификацию населения, какой еще не знала Россия за все время ее существования. Только наличие "собственных" национально-территориальных образований, согласно этой точке зрения, предохраняет этнические меньшинства от утраты своих прав. Признание реального доминирования большинства (как и борьба против него) связано со степенью модернизованности самой русской культуры, до сих пор расколотовой между традиционализмом в различных его формах (чаще всего фантомных, мифологических) и широким спектром более современных идеологий, в числе которых присутствует и либерализм.

Назревает парадокс (ими, как известно, избилует российская история): фактически в России продвижение к гражданскому обществу, правовому государству и государству-нации в либеральной интерпретации этого понятия сможет усиливаться лишь при условии объединения общества вокруг идеи общегражданской, не подчеркивающей этнического содержания вообще, либо этноплюралистической. Продвижение в этом направлении может осуществляться в условиях постоянной борьбы с имперскими тенденциями, слишком укорененными в России, чтобы их в одночасье можно было преодолеть.

Опыт всех образовавшихся на территории России государств во многом идентичен, включая груз советского наследия, антиреформаторские, тоталитарные тенденции, склонность к этноцентристской государственности и вытекающих из этого последствий. Однако у России есть и своя специфика. В ней в силу влияния имперских ценностей преобладают ощущения исторического поражения, сожаления об утрате земель и былого влияния. Свобода, которую общество получило, здесь не всеми ценится достаточно высоко. В идеологии, в общественном сознании образовалась реставрационная волна, захлестнувшая общество [10]. Ее трудно отличить от этнического национализма, так как она апеллирует к сходным символам, в частности к идеализированному прошлому (хотя вряд ли кто-то сейчас серьезно озабочен проблемой реального отвоевания утраченных территорий). Если прежде имперская идея содержала в СССР реальный просветительский и модернизационный потенциал, то теперь она в значительной степени сузилась до попыток предотвратить опасность дезинтеграции России.

Перед Россией лишь сейчас открылась возможность преодоления имперского типа государственности. Советское государство хотя и отошло по отдельным параметрам от имперской традиции, в некоторых других параметрах ее сохранило (пусть и в трансформированном и модернизированном варианте). Имперская ориентация была сохранена прежде всего в системе ценностей. Почти все время существования СССР экспансионистские имперские идеи воспринимались как сами собой разумеющиеся. Они не ставились под сомнение даже в анекдотах, где и в самые страшные времена массового террора не иссякала критическая мысль.

Теперь впервые эти идеи поставлены под сомнение, что проявилось прежде всего в отказе от стремления чем-либо жертвовать для восстановления СССР. Судя по всему, желание заниматься частными делами, обустройством собственной жизни у русского большинства, которое несло на себе основную имперскую ношу, взяло верх над ценностью империи. Это является важнейшим исходным условием поворота российского общества к поискам новой государственности.

Тем не менее проблема лежит значительно глубже. В 1917 году Россия уже отказывалась от империи. Однако она не сумела ответить на лавину обрушившихся на нее проблем неимперскими методами, а потому вновь и вновь актуализировала имперские традиции и ценности. Избавление от империи с точки зрения либеральной позиции - это в конечном итоге переориентация на интенсивные методы решения проблем, на формирование единой системы ценностей, которую добровольно разделяет население

страны, на осознание государственной границы как ценности освоенного данным сообществом социального пространства.

Сегодня страна живет в условиях, когда ни одна из перечисленных выше тенденций не может взять верх над другими. Поэтому задача заключается в их взаимном согласовании и балансе. Главной проблемой становится доминирование какой-либо из этих тенденций на федеральном и региональных уровнях. И здесь трудно обойтись без оценок, без указаний на тупиковость и неоимперского, и этнократического пути укрепления новой российской государственности, на их опасность для российского общества, его граждан.

Вместе с тем нельзя не признать, что и господствующей системы ценностей, вокруг которой консолидировалось бы гражданское общество в стране, и российской нации как согражданстве пока еще нет. Поэтому задача состоит в том, чтобы научиться жить в смутном переходном или промежуточном состоянии, сохраняя в то же время представление об историческом векторе, т.е. о том самом прогрессе, который сегодня многими отрицается. Движение общества к стабильности на основе преодоления промежуточного состояния зависит от массовых сдвигов в гражданской ответственности за судьбу страны, за формирование жизнеспособного общества.

Таким образом, национальные интересы не оказываются жестко заданной величиной и абсолютно неизбежным вектором реализации перспектив развития российского общества. Выбор между ними будет определяться не столько теоретической дискуссией и логическим обоснованием аргументов, сколько практической политической борьбой. В этой борьбе не последнюю роль играет детальный учет социально-психологических настроений электората и всего того груза традиций, привычек, стереотипов, условностей и способности к творчеству, которые в конечном итоге и определяют изменяющийся социальный субъект, называемый "современное российское общество".

Несмотря на глубокие различия представлений об интересах России и ее граждан, в основных идеологических позициях проявляется единая оценка некоторых ключевых проблем. Единодушно, например, отрицается возможность насильственного разрешения имеющихся противоречий между народами, этническими группами. Думается, задача не только в поиске истины, но и в том, чтобы полемика превращалась из битвы монологов в диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдар Е.Л.* Государство и эволюция. М., 1995.
2. *Федоров Б.Г.* Что и как мы будем делать. М., 1994. С. 20.
3. *Матвеева С.Я.* Современный консервативный либерализм в России // *Общественные науки и современность.* 1993. № 2.
4. *Современная Русская Идея и Государство.* М., 1995. С. 59.
5. *Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты).* М., 1995.
6. *Колосов В.А., Криндач А.Д.* Россия и бывшие союзные республики: проблемы нового пограничья // *Полис.* 1994. № 4.
7. *Славный Б.И.* Гражданский мир в России // *Знамя.* 1995. № 1.
8. *Абдулатипов Р.Г.* Парадоксы суверенитета. М., 1995. С. 116, 117.
9. *Абдулатипов Р.Г.* Власть и совесть: политики, люди и природа в лабиринтах смутного времени. М., 1994. С. 227.
10. *Здравомыслов А.Г.* Культурная ситуация в России и проблема конфликтов // *Взаимодействие политических и национально-освободительных конфликтов.* Ч. 1. М., 1994.